

УДК [821.161.1+821.512.157]

ДВЕ РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЛАСКОВА

О. И. Пашкевич

*Кандидат филологических наук, доцент,
Якутский институт водного
транспорта (филиал),
Новосибирская государственная
академия водного транспорта,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

TWO HOMELANDS IN THE CREATIVITY OF IVAN LASKOV

O. I. Pashkevich

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Yakut Institute of Water Transport (Branch),
of Novosibirsk State Academy of Water Transport,
Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), Russia*

Summary. This article is devoted to the work of Belarusian writer Ivan Antonovich Laskov, whose life and work has long been associated with Yakutia. National mentality and pictures Yakut nature were reflected in the works of I. A. Laskov.

Keywords: mentality; Yakut literature; image; poetry; national culture; Belarusian literature.

Судьба белорусского поэта, прозаика, литературного критика Ивана Антоновича Ласкова (19.06.1941–29.06.1994) была тесно связана с Беларусью и Якутией, что нашло широкое освещение в его творчестве.

В 1964 году будущий писатель окончил химический факультет Белорусского государственного университета, а в 1966 году увидел свет его первый поэтический сборник «Стихия». В нём Иван Ласков говорит от имени своего современника – молодого учёного, жаждущего научных открытий:

Казалось,
час заветный пробил,
Казалось, даль уже светла,
Но безуспешный сотый опыт
Сжигает прежние дотла.
Уходит день.
Уходит год.
Но нас гипотеза ведёт!
(«Гипотеза») [7, с. 22].

В то же время герой ранних стихов И. А. Ласкова восхищается красотой живой природы, превосходящей искусственную среду:

Настежь окна!
Блестят очки,
как будто две блесны:
Задумчиво стоит профессор около

Окна,
вдыхая запахи весны.
(«Чтоб нас найти...») [7, с. 17].

Оздоровливающая сила леса подчеркнута и в следующих строках:

Иду туда,
куда душа велит,
Могу заснуть в любом пригодном
месте –
Меня от всех напастей сохранит
Лесное благородное семейство...
(«Я чувствую себя большим и сильным...») [7, с. 50].

Надо заметить, что до конца своей жизни поэт любил бывать на природе. Вдова писателя Валентина Гаврильева пишет: «Как сейчас помню, идёт по Якутску маленький человек с рюкзаком и с большими охотничьими сапогами, точнее, с рыбацкими. Это Иван Ласков. Большой знаток истории и литературы, и большой спорщик» [2, с. 50].

Лирический сборник «Белое небо» (1969) продолжил основные темы первой книги, но появляются и новые, например, особое отношение поэта к зиме. Она то вызывает у него смятение:

И я не знал,
и я не знал,
Что делать этой ночью зимней...
(«Поэма без названия») [4, с. 28].

То наводит на мысль о «самом первом чувстве, с которым приходим на свет»:

А вьюга мне щёки лизала,
И вьюгой следы замело,
И жило во мне осязанье,
Меня осязанье вело...
(«Зима») [4, с. 30].

Автор переживает о том, что зима скоротечна:

Мне очень жаль – кончается зима,
Скольженье лыж, коньков священ-
нодейство.

Мне очень жаль – кончается зима,
Невинная и белая, как детство...»
(«Мне очень жаль – кончается зима...») [4, с. 9].

В край долгой якутской зимы, суровых морозов Иван Ласков приехал в 1971 году. Здесь он работал в газете «Молодёжь Якутии», Якутском книжном издательстве, редакции журнала «Полярная звезда». Он осуществил художественный перевод с якутского на русский язык стихов С. Данилова, Л. Попова и П. Тобурокова, поэмы В. Новикова – К. Урастырова «Земля – наш дом», ряд повестей В. Гаврильевой, произведения Н. Якутского «Из тьмы», романа А. Сыромятниковой «Кыыс Хотун». Знакомство с культурой народа саха сразу проявилось в его поэзии. Так, в одном из стихотворений, написанном на белорусском языке, он вспоминает легендарного якутского борца за справедливость Василия Манчары, чья «памятка» осталась на дереве, которое почитают люди:

Да той каржакаватае сасны
Нясе народ, як сімвал паланення,
То медны грош, то пасік скураны,
То нейкае таемнае каменне [5, с. 45].

Первой книгой И. А. Ласкова, вышедшей в Якутии и принесшей известность поэту среди читателей республики, была поэма «Хромец» [8]. В ней автор обратился к эпохе и личности Тамерлана. Писатель работал над произведением одиннадцать лет, тщательно изучая материал, связанный с эпохой Темура, а также учитывая взгляды современной науки, осмысливающей фигуру деспота-работителя.

Повествование ведётся от лица человека, убитого Тамерланом, но главный герой бессмертен, он возрождается в каждом поколении. Автор вступает в дискуссию с древнейшими и теми современными историками, которые стремятся возвеличить Темура. И. А. Ласков, родившийся и выросший в Беларуси, где в годы Великой Отечественной войны фашистами были уничтожены целые деревни с жителями, призывает людей сохранять мир на земле:

Потомки наши, презирайте нас,
Клеймите нас позором, – всё прощаю,
Но то, о чём кричу я вам сейчас –
Я запрещаю вам, я запрещаю...

Я запрещаю порохом ракист,
Великой кровью нашею омытых.
Я человек,
который был убит.

Я запрещаю памятью убитых [8, с. 158].

Исследователь русской литературы Якутии З. К. Башарина охарактеризовала поэму «Хромец» как «многоплановое лиро-эпическое произведение, где сочетаются и завещания убитого человека, и плач историка, и проклятия народных вождей, и призыв автора... Поэма не просто призывает ненавидеть жестокость, насилие и гнёт, она прославляет справедливость, доброту и бесстрашие» [1, с. 47].

Действия прозаических книг И. А. Ласкова обычно разворачиваются в Якутии, но героями многих из них являются белорусы, которым присущи такие черты национального менталитета, как «уравновешенность, сдержанность, терпеливость... приветливость, гостеприимство» [3, с. 71]. Рассказ «Формалист» (1977) поднимает актуальные вопросы о чести, совести, ответственности. В центре повествования молодой рабочий Юрась Михнёнок, приехавший с Могилёвщины на строительство Байкало-Амурской магистрали. Отзывчивого, душевного парня называют формалистом за то, что он отказался сорвать рабочий день по причине концерта выездной бригады профессиональных артистов и писателей. Юрась старается помочь агитбригаде, которая на протяжении двух дней встречается со строителями БАМа,

колеся в пятидесятиградусный мороз, как выяснил Юрась, на неисправном автобусе и с неопытным водителем. Однако вместо благодарности молодой человек слышит только замечания. «Почему так получилось? Ведь он желал только добра и тому, и другому, и третьему. В чём не прав? Ведь он всё сделал так, как подсказала ему не форма какая-то, а совесть, – размышляет герой рассказа. – «Формалист»... Противное слово. И не оскорбительное – как «чурбан» там, «тупица», а всё равно обидное» [6, с. 60].

Но Юрась, позабыв обиду, вызывает сопровождающих участников агитбригады, чтобы показать им дорогу, и когда происходит столкновение автобуса с грузовой машиной, вину за аварию берёт на себя. Он не предполагал, что ценной своей жизни спас многих, попавших в дорожно-транспортное происшествие.

Сложные взаимоотношения между земляками из Могилёва лежат в основе сюжета повести «Туман» (1982–1983). События, о которых идёт повествование, происходят в течение нескольких дней. Начальник прииска Головня узнаёт, что на него поступила жалоба, подкреплённая серьёзными документами. Боясь избежать наказания и потерять должность, он начинает активно действовать, чтобы скрыть факты, и решает срочно, до приезда комиссии, прибыть на прииск. Однако этому препятствует нелётная погода, и волею судьбы Головня и автор жалобы, бывший капитан – дублёр Радостнов оказываются на одной «Ракете». Писатель рассматривает в повести многие вопросы: это и алкоголизм, и приписки ради выполнения плана, карьеризм, пренебрежение техникой безопасности, верность выбранной профессии. Произведение «Туман», также как и написанная ранее повесть «На подводных крыльях» (1979–1980), проникнуто романтикой флота.

Автор во всех деталях знает нелёгкий труд речников, особенности навигации на северных реках, которая длится недолго, потому мечтают капитаны зимой о рейсах: «И полетим в разные стороны: кто в Хандыгу, кто в Олёкму, тройка на Соттинцы, «Метеор» на Сангар. А кому-то выпадет и Виллюй. Лети и лети до ледостава» [6, с. 194]. Любовь

к родной реке звучит в словах героини рассказа, коренной якутянки Галины Семёновны: «От Лены, и верно, не убежишь» [6, с. 20].

В творчестве И. А. Ласкова большое место занимает и изображение интонационального героя. Писатель показывает представителей разных национальностей – людей различных профессий и разного возраста, но схожих творческим отношением к делу, чувством долга, отзывчивостью. В образе местного милиционера Ильи Лукича в повести «Лето циклонов» (1979) проявились такие черты якутов, как сопереживание, любовь к детям, ценность семьи, добросовестное отношение к труду. Автор передаёт через героя и особенности якутского языка: «Может, на «ты» перейдём? А? Ух-х, отлегло. Не могу «выкаты», нет в нашем языке такого. Говоришь с таким, как ты, всё время боишься: как бы «ты» само собой не выскочило. Сёп» [6, с. 134]. Сохраняя своеобразие живой якутской речи, И. А. Ласков раскрывает мышление, психологию героя.

«Во многих произведениях писатель подчёркивает интернациональное единство народов, которое в бывшем Советском Союзе было не на словах, а на деле», – отмечают авторы историко-литературных очерков «Литература Якутии XX века» [9, с. 589]. О верной дружбе зоотехника белоруса Валентина Мякиша и коневода якута Дмитрия Харитоновна, которые сорок лет живут в якутском селе Даркылах, идёт речь в рассказе «Зимние письма», представляющим собой переписку персонажей. Из посланий мы узнаём о жизни героев, их чувствах, заботах. Дмитрий должен спокойно отдыхать на курорте, но все его мысли о работе, о лошадях, поэтому радостную весть о том, что нашёл зоотехника – коневода с дипломом Тимирязевской академии, он сообщает другу телеграммой. Вообще для менталитета народа саха характерно особое отношение к лошадям, что нашло отражение в якутской литературе [10].

Показывая значимость коня в жизни якутов, И. А. Ласков словами героя подтверждает, что лошадь в условиях севера не только еда. Это ещё и одежда, и обувь, изделия из конского волоса,

якутские праздники: скачки и ысэхи (летний праздник кумысопития с хороводами и спортивными состязаниями), «это предания, это легенды, сказки, присловья» [6, с. 31]. Он восхищается этими неприхотливыми животными: «Конь – красота сама... Кони, мохнатые якутские кони! Ходят – топают они и зимой, и летом, безо всякого ухода...» [6, с. 31].

Анализ творчества Ивана Антоновича Ласкова позволяет сделать вывод о том, что он удачно сочетал в себе талант поэта, прозаика и переводчика. В его книгах уделено пристальное внимание внутреннему миру героев, их духовным потребностям и нравственным ценностям. И. А. Ласков стремился поведать читателям об уникальной природе Якутии, её замечательных людях и одновременно всегда хранил в сердце память о родной Беларуси.

Библиографический список

1. Башарина З. К. Русская проза Якутии. – Якутск : Издательство ЯГУ, 1995. – 56 с.
2. Гаврилева В. Н. В скитаньях // Полярная звезда. – 2006. – № 1. – С. 50–51.
3. Касюк Н., Скворцова Н. Беларусь и белорусы глазами иностранцев // Белорусская думка. – 2012. – № 8. – С. 66–75.
4. Ласков И. А. Белое небо. – Минск : Издательство «Беларусь», 1969. – 72 с.
5. Ласков И. А. Кругное лето. – Минск : Издательство «Мастацкая літаратура», 1973. – 104 с.
6. Ласков И. А. Лето циклонов. – М. : Сов. писатель, 1987. – 432 с.
7. Ласков И. А. Стихия. – Минск : Издательство «Беларусь», 1966. – 80 с.
8. Ласков И. А. Хромец. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1975. – 160 с.
9. Литература Якутии XX века: историко-литературные очерки. – Якутск : ИГИ АН РС (Я), 2005. – 728 с.
10. Пашкевич О. И. Отражение культа коня в якутской прозе // Дискуссия. – 2014. – № 6. – С. 137–141.

Bibliograficheski spisok

1. Basharina Z. K. Russkaja proza Jakutii. – Jakutsk : Izdatelstvo JaGU, 1995. – 56 s.
2. Gavriljeva V. N. V skitanjah // Poljarnaja zvezda. – 2006. – № 1. – S. 50–51.
3. Kasjuk N., Skvorcova N. Belarus i belorusy glazami inostrancev // Belorusskaja dumka. – 2012. – № 8. – S. 66–75.
4. Laskov I. A. Beloe nebo. – Minsk : Izdatelstvo «Belarus», 1969. – 72 s.
5. Laskov I. A. Kruzhnoe leto. – Minsk : Izdatelstvo «Mastackaja litaratura», 1973. – 104 s.
6. Laskov I. A. Leto ciklonov. – M. : Sov. pisatel, 1987. – 432 s.
7. Laskov I. A. Stihija. – Minsk : Izdatelstvo «Belarus», 1966. – 80 s.
8. Laskov I. A. Hromec. – Jakutsk : Jakutskoe knizhnoe izdatelstvo, 1975. – 160 s.
9. Literatura Jakutii XX veka: istoriko-literaturnye ocherki. – Jakutsk : IGI AN RS (Ja), 2005. – 728 s.
10. Pashkevich O. I. Otrazhenie kulta konja v jakutskoj proze // Diskussija. – 2014. – № 6. – S. 137–141.

© Пашкевич О. И., 2014